4 | 14 августа 2015 года | Призыв | www.priziv-lyambir.ru

Нас называли «камикадзе»

Август – сентябрь 1986 года… Два этих месяца многое переиначили в судьбе Василия Алексеевича Федосеева, нашего земляка, уроженца Берсеневских Выселок.

Сколько мне идти – не сосчитать,
Сколько мне песен сложить – неизвестно.
Где она, та последняя пядь,
На которой останавливается сердце?! – напишет он уже дома в одном из стихотворений, посвящая его своей бригаде, возводившей «саркофаг» над четвертым энергоблоком Чернобыльской АЭС. «Из семнадцати нас осталось четверо», – добавит чуть позднее.

В Чернобыль Василий Алексеевич поехал добровольцем – не мог оставаться в стороне от беды, черным крылом накрывшей землю.

- Пошел в военкомат, назвал себя плотником «правой руки», как говаривал покойный дед, прошел медкомиссию, и вот она – повестка. Купил сыну-десятилетку сынишке пистолет на память. Там хоть и не стреляют, но мало ли что?!

Сначала нас отправили в Ульяновск. Слухов полно было. Разных. Одни уверяли, что опасности и нет совсем, но я ведь служил в ракетных войсках, понимал, что такое радиация, - вспоминает Федосеев.

- 8 августа приехали в Иванковский район, это уже под Чернобылем. Разместили нас в палатках. Говорили, что дождевые тучи разгоняют спецустановками. Над станцией туч нет, но ведь они плыли дальше, туда, в Россию! Об этом старались не думать.

Мы находились за тридцать километров от реактора, но грунт там тоже был заражен, и нам ежедневно приходилось разравнивать гравий, который привозили на большегрузных машинах. Также собирали щитовые домики, где нам предстояло жить. Сразу же поняли: до зимы с аварией не управиться. Земляка из Саранска, Виктора Шпадырева, направили управлять демонтажом шестого блока. Бетонные плиты и блоки куда-то отправляли. – В тот же «саркофаг», - пояснил нам потом Виктор. – Мы такие «камикадзе», - назвал нас он.

18 августа прибыли в Чернобыль. Проведили двадцатишестую помещенцы. Нас – в 5-ти этажной стене, расставили койки, готовили здания, чтобы принять новое пополнение ликвидаторов. Там же встретился с земляками Валерием Ивановым, Сергеем Сергеевым, Геннадием Сайтиным и другими ребятами. Неожиданно на что, настроение было – зашкаливает. Оцитали первый результат тот же. И все же свыкнется в экипировке ведерке на костюм. Вроде тогда обошлось. А вот один парень «хватанул» дозу. В Припяти зашел в пустой дом, где в холодильнике обнаружил пару яиц. Сварил, съел. Потом особисты мотали обвинить в мародерстве, да не успели – парня отправили в Киев, в радиационный центр.

Большой опасности подвергались и некоторые из местных жителей – они приходили к нам в свои дома и выкладали скубы на продажу. Мало того, что сами хватали при этом рентгены, так и нам, и всем, кто ел отсюда «деликатес», продукт, под удар ставили! Вот уж жадность человеческая! Поистине, предела не имеет.

В гадах из деревень всегда продавали грибы, ягоды, яблоки, но это всё запрещалось. Иногда, правда, запрет этот мы нарушали, хотя кормили нас. Сначала на объект вызвали химиков-разведчиков, находились там не более трех-пяти дней. Сделали свое дело. На все три всех отпустилось тоже не более трех-пяти минут. Что мы могли успеть за такое время? Ничего. Ни на что. Мы обслуживали насосы, подающие жидкий бетон на стены «саркофага». Оператор – в защищенной кубике, а мы - снаружи. С очередной машиной приближали к кухной стороне четвертого, поврежденного блока станции, обсыпали «хватанул» дозу. В Припяти зашел в пустой дом, где в холодильнике обнаружил пару яиц. Сварил, съел. Потом особисты мотали обвинить в мародерстве, да не успели – парня отправили в Киев, в радиационный центр.

Большой опасности подвергались и некоторые из местных жителей – они приходили к нам в свои дома и выкладали скубы на продажу. Мало того, что сами хватали при этом рентгены, так и нам, и всем, кто ел отсюда «деликатес», продукт, под удар ставили! Вот уж жадность человеческая! Поистине, предела не имеет.

В гадах из деревень всегда продавали грибы, ягоды, яблоки, но это всё запрещалось. Иногда, правда, запрет этот мы нарушали, хотя кормили нас. Сначала на объект вызвали химиков-разведчиков, находились там не более трех-пяти дней. Сделали свое дело. На все три всех отпустилось тоже не более трех-пяти минут. Что мы могли успеть за такое время? Ничего. Ни на что. Мы обслуживали насосы, подающие жидкий бетон на стены «саркофага». Оператор – в защищенной кубике, а мы - снаружи. С очередной машиной приближали к кухной стороне четвертого, поврежденного блока станции, обсыпали «хватанул» дозу. В Припяти зашел в пустой дом, где в холодильнике обнаружил пару яиц. Сварил, съел. Потом особисты мотали обвинить в мародерстве, да не успели – парня отправили в Киев, в радиационный центр.

Большой опасности подвергались и некоторые из местных жителей – они приходили к нам в свои дома и выкладали скубы на продажу. Мало того, что сами хватали при этом рентгены, так и нам, и всем, кто ел отсюда «деликатес», продукт, под удар ставили! Вот уж жадность человеческая! Поистине, предела не имеет.

В гадах из деревень всегда продавали грибы, ягоды, яблоки, но это всё запрещалось. Иногда, правда, запрет этот мы нарушали, хотя кормили нас. Сначала на объект вызвали химиков-разведчиков, находились там не более трех-пяти дней. Сделали свое дело. На все три всех отпустилось тоже не более трех-пяти минут. Что мы могли успеть за такое время? Ничего. Ни на что. Мы обслуживали насосы, подающие жидкий бетон на стены «саркофага». Оператор – в защищенной кубике, а мы - снаружи. С очередной машиной приближали

Подробно все, что довелось пережить ТАМ, Василий Алексеевич описал в книге «Мне Чернобыль не снится», переложив воспоминания стихами. Читать все это нелегко, больно. Внутрь, героям книги – следствие чьей-то ошибки или даже преступления…

Мне Чернобыль не снится,
Но во сне все чаще снится
Реактор грузь мне,
где сердце,
Где боль,
где тот самый Чернобыль…

мысли нет другой.

Что еще запомнилось? Мертвый город - это действительно страшно. Где нет голосов людей, детского смеха, где ветер бросает в слепые, темные окна пригородини пыли. Радиоактивной…

А еще лес. Предстояло нам в нем работать. Где на деревьях желтые иглы. Мертвая земля.

Может, вы никогда не увидите,
Что такое прекрасно, желтого мая
Полосою к аиству от Припяти
Сосны рыжую хаос теряют.
Им не видали рассветов-закатов,
Вместо дождика – с неба рентгены…
Мертвый атом плесний характером,
Что мы могли плеснет военный?!

- Наша одежда, обувь «замеяли» постоянно, - вспоминает Василий Алексеевич. Нас начали называть «камикадзе». Правда, старались держаться от нас подальше. Видимо, боялись, что мы заявим тепла будем, чтобы скрываться в нем в случае, когда транспорт задерживается. Тогда я пробыл ТАМ около тридцати минут. Голова начала кружиться, слабость. Набрал в медпункте аспирины, другие лекарства. Но ведь в медицине не знаем, какие тут лекарства помогут. Хватанувши лишнюю дозу отправили в Киев, в радиационный центр, но некоторые рабета не показывали виду, скрывали показания дозиметров. И чем такие «лечили» – неизвестно. Об этом тоже лучше не думать.

Один раз на крышу «саркофага» пустили вертолет. Он, механизмы собирал обломки графита, выброшенные взрывом. Мы скрестили это чудо темным пухкодом. А на другой день на разгрузке вертолета вызвали добровольцев. Вертолет собирать графит и задаю застопорить рукоход, чтобы его мог снять, отгуда вертолет. Потом вертолет вертелся, а мы тоже работали. И снова вызывали добровольцев, после дяку «ходю» на крышу обещали «демобилизовать». Но вот потеря корненьца – родственницы квартиру или машины случая инвалидности кормильца – ставили в очередь на отдельные рамеяцы. Из нашей бригады вызвались несколько человек. Зачем? В нас этак тогда – в 25 лет – рентгенов выдержали.

Домой Василий Алексеевич вернулся в сентябре. В октябре уже был в больнице. Потом инвалидность. И все же не стоит забывать о борцуться с недугом. Испробовал все: традиционную медицину, народные средства. Помогло. Сейчас Василий Алексеевич посвятил себя творчеству, продолжает писать стихи, изливая в них свои мечты и чаяния, то, что волнует его, то, что нет, что пишет «Руть здоевая» - стихи о Родине, о России, о таланте, о любви, показывает автор.

- Жизнь продолжается! И опыт прекрасно! – написал Василий Алексеевич в адрес своих сборников.

ЕЛЕНА СВЯСТЬЯНОВА.

Мы продолжаем публиковать истории о судьбах наших земляков, мужественно сражавшихся на фронте в годы Великой Отечественной войны. Этот материал, который мы хотим сегодня предложить вниманию наших читателей, прислали кряжемцы из Аксеновской СОШ, принимавшие самое активное участие во Всероссийской акции «Бессмертный полк».

СРАЖАЛСЯ, СЕБЯ НЕ ЩАДЯ

Сэмф Зиннурович Ильяшев родился 22 декабря 1925 года в селе Аксеново. В этом году ему исполнилось бы 90 лет.

В январе 1943-го Сэмфа Зиннуровича мобилизовали на фронт. Ему тогда было семнадцать. Сэмфа Ильяшева направили на Дальний Восток, где он обучался мастерству снайпера. Почти учебно-организованных сборов Сэмф Зиннурович попал в снайперные войска, которые отправились на Второй Украинский фронт. Вот что он рассказывал впоследствии, вспоминая те годы.

- Была зима 43-го. Второй раз за зиму форсировали Днепр. Это просто сверхчеловеческая. Необходимо было быстро провести связь от бонтона в контрольному пункту. Меня вместе с другим бойцом, который знал дорогу, послали вести связь. Шли быстро, несмотря на то, что вокруг снег. Провели три километра редкими лесом, стали прокладывать провод. Уже темнело. А тут обстрел. Мы забрались под тонкое одеяльцем временное укрытие, но влезть туда полностью не смогли. Ноги остались снаружи. Ночью проволочка была уже бетоном осевом, и вдруг рядом с нами разорвался снаряд. Наше небольшое укрытие разбросало матом, товарищ ранен. Что мне делать? Ждать, что делать?

- Мотя, дружок, вставай! – просил я. Мы вместе подвязали. Он обнял меня за шею правой рукой, левой опирался на винтовку. Так медленно двигались вперед. В вагоне у Дмитрия хлопнул взрыв. В его почти тащил на себе. За моей спиной разрывались снаряды. Было сожжено тонко. Чем дальше шли, тем чаще останавливались. К счастью, нас встретила другой боец. Вместе с ним мы добрались. За это подвиг нас наградили медалью «За боевые заслуги».

вкрапления «изюмом» называем.
18 августа прибыли в Чернобыль. Проводили дезактивацию помещений, мыли полы, белили стены, расставляли койки, готовили здания, чтобы принять новое пополнение ликвидаторов. Там же встретился с земляками: Валерием Антоновым, Камилем Искандяровым, Геннадием Сайгиным и другими ребятами. Несмотря ни на что, настроение было приподнятое. Даже временами какое-то чувство гордости – вот и мы пригодились. О смертоносных рентгенах старались не думать. Хотя это только говорить так легко, а на самом деле… Вот всего один эпизод. Поймали одичавшую курицу. Они там, словно фазаны, ночевали прямо на деревьях. Хотели было сразу в суп, но все же вызвали дозиметриста. Измерил – зашкаливает. Ощипали перья – результат тот же. И все же сварили в эмалированном ведерке на костре. Вроде тогда обошлось. А вот один парень «хватанул» дозу. В Припяти зашел в пустой дом, где в холодильнике обнаружил водку и продукты. Выпил, закусил. Его потом особисты хотели обвинить в мародерстве, да не успели – парня отправили в Киев в реанимационный центр.
Большой опасности подвергались и некоторые из местных жителей – они разбирали в селах свои дома и вывозили срубы на продажу. Мало того, что сами хватали при этом рентгены, так ведь и тех, кто, не зная, откуда «дровишки», покупал, под удар ставили! Вот уж жадность человеческая! Поистине, предела не имеет.
В садах на деревьях висели просто роскошные яблоки, но их есть запрещалось. Иногда, правда, запрет этот мы нарушали, хотя кормили нас отменно.
- Сначала на объект выезжали химики-разведчики, находились там не более трех-пяти минут. Потом ехали мы. На все про все отводилось тоже не более трех-пяти минут. Что мы могли успеть за такое короткое время? И все же… Мы обслуживали насосы, подающие жидкий бетон на стены «саркофага». Оператор – в защищенной кабине, а мы - снаружи. С очередной машиной прибывали к южной стороне четвертого, поврежденного блока станции, сбрасывали с внешней решетки насосов крупные камни, откапывали емкости, если кто-то из шоферов в спешке выгружал бетон мимо. Потом следовало возвращаться, но если не было попутной машины, прятались в укрытие. Затем в строительном вагончике ожидали бронированный автобус, чтобы уехать в Чернобыль, а затем уже – в Иванково.
Один парень решил рискнуть и задержался подольше, даже еще бетон бросал. Потом упал. Я поехал за ним на бронетранспортере. У парня уже шла из ушей кровь. Его сразу же увезли в госпиталь. Вряд ли выжил. Как те пожарные, первыми вступившие в схватку с радиацией. Их потом даже хоронить боялись – так «фонили». Рассказывают, что и их могилы долго не навещали, не знаю, как сейчас…

Дает «химдым» сегодня три минуты
По крыше, как по кратеру, пройти,
Пройти и подобрать кусок графита,
И опустить в контейнер по пути.
И ты свой долг, считай, уже исполнил.
Скорее в душ. И через день – домой.
Не вспоминать про изотоповолны.
Пройти… Сейчас… И мысли нет другой.

Что еще запомнилось? Мертвый город - это действительно страшно. Где нет голосов

людей, детского смеха, где лишь ветер бросает в слепые, темные окна пригоршни пыли. Радиоактивной…
А еще лес. Представьте себе хвойный лес, где на деревьях желтые иглы. Мертвая земля.
Может, вы никогда не увидите,
Как средь яркого, желтого мая
Полосою к закату от Припяти
Сосны рыжую хвою теряют.
Им не выдали респираторов,
Вместо дождика – с неба рентгены…
Мирный атом плеснул характером,
Ну, а если плеснет военный?!..

- Наша одежда, обувь «звенели» постоянно, - говорит Василий Алексеевич. – Нас начали называть «камикадзе». Правда, старались держаться от нас подальше. Радиации сверх лимита хватали постоянно. И когда проемы в южной стене «саркофага» заделывали, и когда выгружали бетонное сооружение типа будки, чтобы скрываться в нем в случае, когда транспорт задерживается. Тогда я пробыл ТАМ около тридцати минут. Голова начала кружиться, слабость. Набрал в медпункте аспирина, других лекарств не было, да и медики не знали, какие тут лекарства помогут. Хватанувших лишнюю дозу отправляли в Киев, в реабилитационный центр, но некоторые ребята не показывали виду, скрывали показания дозиметров. И чем такая храбрость закончилась? Об этом тоже лучше не думать.
Один раз на крышу «саркофага» пустили какой-то механизм, он собирал обломки графита, выброшенные взрывом. Мы окрестили это чудо техники луноходом. А на другой день на разводе уже выкликали добровольцев вручную собирать графит и заодно застопорить луноход, чтобы его мог снять оттуда вертолет. Потом поползли слухи, что вертолет разбился. И снова вызывали добровольцев, после двух «ходок» на крышу обещали «дембель», денег, а в случае потери кормильца – родственникам – квартиру или машину. В случае инвалидности кормильца – пожизненную пенсию в огромных размерах. Из нашей бригады вызвались несколько человек. Зачем? В нас итак тогда уже было рентгенов выше головы…
Домой Василий Алексеевич вернулся в сентябре. В октябре уже был в больнице. Потом – инвалидность. И все же он нашел в себе силы бороться с недугом. Испробовал все: традиционную медицину, народные средства. Помогло. И сейчас он полностью посвятил себя творчеству, продолжает писать стихи, изливая в них свои мечты и чаяния, то, что тревожит или волнует. «Утоли моя печали» - сборник стихов о любви, «Русь зоревая» - стихи о Родине, о России, о талантливых людях, поразивших автора.
- Жизнь продолжается! И она прекрасна! – написал Василий Алексеевич в одном из своих сборников.
ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА.